

Васильева О. В. Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов / О. В. Васильева, А. А. Кузьмина, А. Р. Федорова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 194—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210.

Vasilyeva, O. V., Kuzmina, A. A., Fedorova, A. R. (2021). Imagination of the North in Context of Development of Natural Environment: Mammoth in Mythological Representations of Yakuts. *Nauchnyi dialog, 1*: 194-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210. (In Russ.).

УДК 397(571.56)+398.41:599.61

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-194-210

ВООБРАЖЕНИЕ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ: МАМОНТ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЯКУТОВ

© **Васильева Ольга Валерьевна (2021)**, orcid.org/0000-0001-9992-4163, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), osipovaovr@rambler.ru.

© **Кузьмина Айталиня Ахметовна (2021)**, orcid.org/0000-0001-7051-9009, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), aitasakha@mail.ru.

© **Федорова Айталиня Родионовна (2021)**, orcid.org/0000-0002-6487-3914, младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), aytar@mail.ru.

Рассматривается ряд отрицательных персонажей якутской мифологии, а также отдельные образы фольклора. Аргументируется точка зрения, согласно которой основой зарождения у якутов определенных мифологических представлений служил реальный мир, особенности ландшафта и климата, в той мере, в какой они воздействовали на человека. Отмечается, что культура народа саха строится на богатых мифологических представлениях, сложившихся в ходе освоения бескрайних просторов арктического пространства. Авторы анализируют этнографические заметки XIX—XX веков и современные научные публикации, в которых рассматриваются мифология и фольклор народа саха (якутов). Предпринята попытка прояснить вопрос о влиянии знаний об ископаемых останках мамонтовой фауны на формирование мифологических представлений, связанных с особенностями климата осваиваемого региона. Анализируется образ мамонта в широком контексте мифологических воззрений якутов. Делается вывод о том, что вторичные эзотерические представления о мамонтах, вызванные обнаружением их останков, могли лечь в основу прототипического образа для ряда персонажей якутской мифологии, например, водяного быка и быка холода. Доказывается, что представления о мамонтах могли найти свое отражение во внешнем облике богатырей абаасы в эпическом фольклоре саха.

Ключевые слова: мамонт; абаасы; эпос Олонхо; якутская мифология; демонология; мифологический персонаж.

1. Введение

С исторической и этнографической точек зрения особый интерес всегда представляет вопрос о генезисе культуры той или иной этнической общности. В этом случае перед исследователем ставится задача изучения отдельных элементов культурных явлений и предпосылок их формирования.

Современное понимание этнонима *саха* — результат синтеза множества культурных и этнических наслоений. Территория бассейна реки Лена всегда являлась частью этнокультурных контактов автохтонного населения и пришлых кочевников с Юга. Так, ранний этап эпохи железа в Якутии связан с эпохой скифов, а VI—XII века отмечены интенсивным притоком кочевников-скотоводов на Юг Якутии, которые в течение длительного времени формируют особый скотоводческий и культурно-хозяйственный тип северных коневодов [Романова и др., 2016, с. 12].

Как в эпоху господства гуннов, так и в период владычества древних тюрок и монголов, когда территория Центральной Азии и Южной Сибири становилась ареной кровавых битв, бассейн Лены, очевидно, служил местом, куда стекались сохранившиеся части различных этнических образований. Несомненно и то, что бассейн реки Лены с ее пастбищами и богатыми охотничьими угодьями служил областью, где с древних времен в поисках добычи кочевали различные по своему происхождению племена. Некоторые из них осели, и их можно назвать автохтонными [Саввин, л. 94].

По последним данным археологии, огромное влияние в изучаемом регионе имела Кулун-атахская скотоводческая культура, основные памятники которой датируются XIV—XV веками. Она не являлась еще полностью сформированной и тождественной культуре якутов, в ней происходили ассимиляционные процессы, в которых главное место занимали пришлые этнообразующие силы [Гоголев, 2018, с. 161].

Упомянутое выше движение кочевников с юга в страну вечных льдов и снегов считается началом истории народа саха (якутов). Таким образом, процесс этногенеза и формирования народа саха — это длительный и многоступенчатый процесс, состоящий из множества субстратов, который, по имеющимся данным, завершается на Средней Лене к середине II тысячелетия н. э. В свою очередь освоение кочевниками северного края, в ходе которого происходило сопряжение реального ландшафта и мифологических представлений, и есть явление, определившее формирование самобытной культуры якутов. Знаковую роль в данном процессе для

анимистов-якутов сыграл животный мир Севера и Арктики, при этом мы выдвигаем гипотезу, что среди животных, оказавших определенное влияние на мифологическую картину, были и те млекопитающие, которые исчезли с лица земли многие тысячи лет назад, — мамонты.

Следует отметить, что Якутия является территорией крупнейших запасов хорошо сохранившихся останков мамонтовой фауны. По разным оценкам от 80 до 90 % всех мировых запасов ископаемой мамонтовой кости находится на территории Республики Саха (Якутия). Хорошая сохранность палеонтологических останков обусловлена климатическими особенностями региона, в частности, вечной мерзлотой и экстремально низкими температурами большую часть года.

Однако, несмотря на то, что ландшафты Якутии были хорошо освоены якутами [Романова и др., 2017, с. 295—327], считается, что останки мамонтов лишь незначительно повлияли на фольклор данной этнической группы.

Наиболее известные сюжеты, связанные с мамонтом, были описаны А. Ф. Миддендорфом, который в середине XIX века зафиксировал два нарратива о мамонте от местного населения. В первом говорилось о том, что мамонт был настолько велик, что не уместился в Ноевом ковчеге, а потому погиб в потоках воды. Исследователь небезосновательно посчитал данный сюжет следствием влияния русской культуры. Второе сказание, широко распространенное в то время в Якутии и расцененное исследователем как аутентичное, было передано следующим образом: «Когда зимой лед с шумом трескается на большом протяжении, что случается нередко и притом в ночное время, то это приписывается проделкам огромного животного, водяного быка (уу-огус) от которого происходят мамонтовые клыки» [Миддендорф, 1878, с. 821].

В то же время, как указывают этнографы, «в традиционной культуре саха мамонт — символ сатанического, шаманского мира, мира мертвых» [Возвращение мамонта ..., 2018]. С чем же связано такое представление о мамонте, если основной сюжет сообщает о том, что мамонт — это один из духов местности — водяной бык?

Далее попробуем разобраться в этом вопросе. Для начала рассмотрим, какие вторичные представления о мамонте на основе знаний об обнаруженных его останках создавало человеческое воображение в разных культурах.

2. Представления об останках мамонтов в разных культурах

В разное время, находя останки ископаемых животных, люди пытались составить представление о том, кому они могли принадлежать. Так, жители средневековой Европы принимали кости и бивни мамонтов за

останки великанов (о находках костей «великанов» в Швейцарии и Германии сообщается в рукописях начала XVI века) и даже считали останками святых, превращая их, в силу христианских традиций, в реликвии и помещая в церквях.

Интересные легенды сложились под впечатлением находок костей древних слонов в Средиземноморье. Наиболее известны среди них античные мифы, появившиеся на Сицилии, где жили не мамонты, а их родственники — плейстоценовые слоны. В древние времена, когда началась колонизация острова выходцами из материковой Греции (конец I тыс. до н. э.), слонов на Сицилии уже давно не было. Они вымерли много раньше, в конце плейстоценового периода, когда Сицилия окончательно утратила связь с материковой Италией [Марра и др., 2008, с. 20—27].

Во время добычи известняка для строительства зданий в различных местах Сицилии колонисты находили кости ископаемых слонов. Эллы предположили, что это останки древних великанов. К такому повороту в осмыслении данных побуждала античная мифология, в которой гиганты занимали важное место вместе с богами эллинов. Кроме того, фундаментом послужили знания об анатомии черепа слонов: носовое отверстие на черепе слонов (и мамонтов) располагается в центре лба (на уровне основания хобота), а глазницы — на боковых поверхностях черепа и не так хорошо заметны, как носовое отверстие. Именно поэтому большие черепа с отверстием на лбу оказались восприняты как останки циклопов — одноглазых великанов [Там же].

Первые фантастические сведения о мамонте, кости которого находили на азиатском Севере России, документально были зафиксированы в Китае. В старинном китайском сочинении V века до н. э. упоминается зверь «финшу», что в переводе с китайского означает «подземная мышь». Этот зверь, похожий на мышь, но величиной с крупного быка, живёт на Севере в тёмных норах под землёй, которые роет своими рогами-бивнями, и умирает, если увидит солнечный свет. Подобные легенды бытовали в Китае вплоть до XIX века.

В свою очередь в представлении жителей Сибири и Дальнего Востока мамонт был неким гибридным существом. Чаще всего его наделяли чертами известных людям животных. Например, эвенки изображали мамонта в виде рыбы, а ханты считали, что мамонт — это подземное перевоплощение лося, щуки и медведя. Изображения мамонта могут быть трудноузнаваемыми [Сериков и др., 2004, с. 171].

Итак, каждая культура интерпретирует образ мамонта через объектив собственного взгляда на мир и мифологические воззрения. Мы приходим к выводу, что находки ископаемых останков мамонта вызвали вторичные,

эзотерические представления о нем как о необычном, сказочном существе и могли переплетаться с более ранними фольклорно-мифологическими мотивами. При этом отдельные части скелета мамонта могли рассматриваться даже как останки разных мифических существ.

Стоит отметить, что находка черепа мамонта — сравнительно более редкое явление, нежели обнаружение бивней, поскольку последние в силу особой структуры лучше сохраняются.

3. Мамонт и образ быка в мифологических представлениях якутов

Как было сказано выше, бивни мамонта считались у якутов рогами водяного быка (*уу огусун муоса*, где слово *муос* в прямом переводе означает ‘рог’). Водяной бык — это один из духов местности иччи — хозяин воды. Напомним, что у якутов бытовали легенды о существовании трех видов духов: духов местности, хозяевах природы (иччи); добрых (айыы); злых, вредоносных (абаасы).

Кроме того, водяной бык выступает в качестве ездового животного чудовища-абаасы: «С единственным тупым рогом на макушке, с единственным глазом в самой середине лба, с восемью ногами из голого брюха, с голубыми пятнами, как водная волна, быка-пороза в двенадцатиногую нарту запрягши [некто] о восьми головах, беспорядочно вздымаясь, показался» [Макаров, 2017, с. 13].

Также абаасы мог превращаться в быка: «Верхом на ржаво-буром быке, в которого превратился абаасы, Басымджы прибывает в отчий дом» [Там же, с. 39]. Следует отметить, что встречаются разные упоминания цвета быка, от голубого, как волна (что, по всей видимости, является дополнительным указанием на водяного быка уу огуса), до ржаво-бурого, который соответствует окрасу найденных шкур мамонтов.

Заметим, что первое изображение мамонта, сделанное европейцем по рассказам местного населения в Сибири, было выполнено в виде химеры, также с телом и головой быка (рис. 1).

Большое количество указаний на символическую связь рогатого скота и нижнего яруса традиционной модели мира, который населяли злые духи, содержится в различных жанрах якутского фольклора [Там же, с. 12]. В научной литературе, посвященной мифологии и фольклору якутов саха, часто упоминается, что абааһы — жители нижнего мира — имеют только рогатый скот, а конный скот принадлежит людям и спущен с неба боже-ствами [Эргис, 1974, с. 123]. Согласно якутскому эпосу олонхо, чудовища — абааһы, живущие в «нижнем», подземном мире, — «выезжают оттуда на быках и появляются обычно с Севера» [Там же].

Рис. 1. Рисунок Кагга. Одно из первых изображений мамонта, сделанное Бароном Леонардом Каггом — пленным шведским офицером, вернувшимся из Тобольска, в первой половине XVIII века.

Здесь хотелось бы отметить, что образ водяного быка близок к еще одному мифологическому персонажу — быку холода. Оба являются персонажами якутской устной традиции, обнаруживающими при сравнительном рассмотрении большое количество схожих признаков [Макаров, 2017, с. 11—25] настолько, что исследователи склонны к предположению о существовании некоторого общего для них прототипического источника, которым, по всей видимости, мог быть мамонт.

Дело в том, что негативные коннотации образа водяного быка находят продолжение и в образе Быка Зимы (*Дьыл оҕуһа*), обитающего, по поверью, у Северного Ледовитого океана [Данилова, 2017, с. 123; Костырко, 2013; Макаров, 2017, с. 11—25; Романова и др., 2019, с. 258]. «Бык зимы выходит из океана с туманным дыханием, в заиндевелой дохе, с ледяным носом, с очами, словно проруби, с предлинными звонкими рогами, с туловищем, заслоняющим солнце, с морозом в подмышках, с утренниками в пахах, с выюком из болезней, с тороками из простуды ...» [Березкин и др., 2017]. По постепенному «умиранию» этого персонажа якуты отсчитывают время до смягчения холодов и наступления потепления [Макаров, 2017, с. 12].

Г. У. Эргис указывает, что бык зимы занимает особое место среди иччи. Ему не приносят подношений, люди к нему не обращаются. Он олицетворяет ничем не отвратимой стихии [Эргис, 1974, с. 123—124].

Надо отметить, что вообще образ быка в устной традиции якутов имеет отрицательную семантику. В исследованиях подчеркивается, что в якутском героическом эпосе олонхо, сказках-мифах, песнях бык выступает в качестве

олицетворения зимы, Севера, ездового животного демонского племени абаасы. Его оппозицией является конь, который олицетворяет лето, юг, ездового животного племени людей айы аймаҕа [Габышева, 2003, с. 248]. Так, в сказке-мифе «Атыыр уонна атыыр оҕус» («Жеребец и бык») повествуется о том, как зима стала длиннее лета по вине быка. Здесь семантически противопоставлены конь и бык, символизирующие лето и зиму.

Образ быка связан, с одной стороны, с представлениями о стихии и экстремальных климатических условиях территории, с другой стороны, проводятся связи с находками останков мамонтовой фауны.

Как уже упоминалось выше, изображения мамонта могут быть трудно-узнаваемыми, чаще всего его наделяли чертами известных людям животных. Ископаемые находки мамонтовой кости могли интерпретироваться древним населением как останки быка, которого, кроме всего прочего, наделяли негативными коннотациями, связанными с холодными территориями осваиваемого края. Поэтому, когда в мифах речь идет о быке, порой имеется в виду и мамонт. Можно предположить, что мамонт подразумевается в тех случаях, когда упоминается влияние стихии. Останки мамонта могли быть олицетворением силы стихии, с которой переселенцам пришлось столкнуться по мере их продвижения на Север.

4. Образ злых духов абаасы в якутской мифологии

Не только образ быка, но и образ абаасы мог иметь свои корни во вторичном представлении, сформировавшемся на основе находок ископаемой мамонтовой кости. По мнению В. Ф. Трошанского, якуты, продвигаясь вниз, на Север, попадали во все более и более суровый климат с возрастающими бедами-несчастьями, которые (в силу распространенности анимистических воззрений. — *Прим. авторов*) не замедлили обратиться в мифических абаасылар [Трошанский, 1902, с. 60].

Здесь стоит отметить, что находки останков мамонтовой фауны на Севере более распространены, кроме того, выше их целостность — находят даже целые туши. Наиболее часто кости мамонта обнажаются во время и после вскрытия рек, озер.

К интегральным чертам образа абаасы следует отнести связь с Севером, северным направлением. В. Ф. Трошанский описывает их следующим образом: «Абааһы живут и на небе, и на земле, и под землей. Тут мы встречаем некоторую неясность и неопределенность. Якуты говорят, что вот эти духи верхние, а вот те нижние, но дело в том, что это может значить северные и южные, так как якуты в обычной речи отождествляют верх с югом, хотя для юга имеется свое слово, а низ с Севером (по Бетлингу “аллара” —

вниз по течению реки, на Север, а потому часто употребляют выражения “такой то спустился вниз”, “поднялся наверх”, то есть уехал на север или на юг» [Там же, с. 59].

Отметим, что и слово *хоту*, обозначающее Север (ср. др.-тюрк. *ходы* — вниз [Большой ..., т. 13, с. 625]), используется в значении и направления вниз, и вдоль по чему-либо, кроме того, оно также имеет негативные коннотации. По мнению Н. К. Даниловой, на смысловой контекст слова *хоту* проецированы концепты, связанные, во-первых, с холодом, во-вторых, с когнитивными образами, имеющими отрицательные характеристики. Она отмечает, что и в мифоритуальной, и в языковой картинах мира саха культурные концепты, основанные на семантике холода, так или иначе связаны с нижним миром и обладают негативными характеристиками. Так, про умершего человека говорят: *тымныйбыт* (похолодел), про бесчувственного и безнравственного человека — *тон киһи*, *муус киһи* (букв.: холодный человек, ледяной человек) [Данилова, 2015, с. 121—126].

Казалось бы, холод — это объективная категория, но первобытные люди (к которым в широком смысле можно отнести племена, заселявшие территорию) осмыслили его по нормам своего сознания. Миф — это непосредственная форма познавательного процесса, и, вскрывая эту форму, мы видим, как первобытный человек представлял себе объективный мир.

Согласно шаманским представлениям, Север отождествляется с болезнями, напастями для человека: «Источник всех болезней находится на севере, между средним и нижним миром» [Эргис, 1974, с. 123]. Согласно мифологическим представлениям, нижний мир злых демонов *абаасы* находится на Севере, у Ледовитого океана.

Подземный мир в олонхо описан как темная ледяная или болотная земля с низким красноватым небом, как недоваренная уха, с огненными и ледовитыми морями. Здесь можно обнаружить параллели с ландшафтом арктической зоны (тундра, ледовитые моря, водоемы). А Средний и Верхний миры описаны как солнечные страны с вечным летом [Содномпилова, 2017, с. 120]. Для тюрков Южной Сибири характерно представление о том, что Север — это низ [Львова и др., 1988, с. 42], то же самое свойственно якутам.

Направление Север находилось на периферии освоенной территории саха и воспринималось как «далекое», «холодное» и «чужое» пространство [Данилова, 2015, с. 121—126].

Косвенным подтверждением идеи, что мамонт в якутской мифологии имеет параллели с *абаасы*, является и замещение образа мамонта, который встречается у северных народов, на образ злого духа *абаасы* в якутской интерпретации одного и того же космогонического сюжета. Многие легенды

народов Севера имеют сюжет, в котором мамонт участвует в сотворении мира и его ландшафта: создатель делает мир изначально гладким, а мамонт, после того как проходится по нему, оставляет на земле горы, озера и русла рек. Данные мифы мы можем встретить у ненцев, нганасан и эвенков, в ряде сюжетов именно эти действия мамонта становятся причиной его смерти. Подобный якутский сюжет был представлен Г. У. Эргисом в «Очерках по якутскому фольклору». В нем рассказывается о том, как творец Айыы создал землю очень красивой и ровной, но спустился злой дух (абаасы) и стал топтать и царапать землю, отчего остались на ней следы в виде рек, озер и гор [Эргис, 1974, с. 110]. Данный сюжет у перечисленных выше народов определенно является родственным. Но интересно отметить, что в якутской интерпретации мамонт трансформируется в злого духа.

Некоторые мифологические представления как совокупность воззрений на мир впоследствии могли найти свое отражение и в якутском эпическом фольклоре, поскольку фольклор развивается из мифологии и обязательно содержит в том или ином виде мифологические элементы. Далее рассмотрим в качестве источника олонхо.

5. Образы злых духов абаасы в фольклоре саха

Если в мифологических представлениях якутов абаасы не имеет какого-то конкретного воплощения, то в фольклоре все несколько иначе. Наиболее ярко этот образ представлен в богатырском эпосе якутов — олонхо, в котором абаасы выступают как существа-богатыри, противники человечества, однако подобные людям, с человеческими страстями и потребностями. Примечателен внешний облик богатырей абаасы: очень часто они описываются как необыкновенно уродливые одноногие циклопы гигантского роста [Пухов, 1962, с. 137]:

*Послушайте-ка, Что брешет Одноглазый атаман адъараев! Вот обида!
Гляди-ка,*

*Как горло дерет Одноглазое чудище! Ишь, как разорался леший, Одно-
рукая образина!* [Строптивый Кулун Куллустуур ..., 1985, с. 361—362].

Как известно, асимметрия тела является довольно устойчивым признаком персонажей класса демонов и чудовищ [Басангова, 2011, с. 275; Львова и др., 1989, с. 92]. Так, в аналитическом каталоге «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина в мотиве «L85. Существа-половинки, F525» дается обширная карта распространения образов одноглазых, од-

норуких, одноногих существ в фольклоре и мифологии многих народов мира, в том числе финно-угорских (удмурты, мари), тюркских (чувашы, башкиры, казахи, якуты, долганы), монгольских (буряты, калмыки, монголы), тунгусо-маньчжурских (эвенки, эвены), самодийских (нганасаны, энцы) народов [Березкин и др., 2017].

В то же время нельзя говорить о большинстве сюжетов повествовательного фольклора как феноменах, имеющих строго определяемый источник. Анализируя архаичные образы, мы вскрываем в них комплексность содержания.

Как пишет О. М. Фрейденберг, «мифологический образ представляет собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности. Человек не волен был сочинять образы, он был вынужден мыслить ими» [Фрейденберг, 1998, с. 23]. Мы предполагаем, что представления об асимметричных существах как о демонах могли актуализироваться при осмыслении находок ископаемых останков мамонтовой кости. Возможно, поэтому образы одноглазых гигантских существ устойчиво присутствуют в текстах фольклора саха.

В олонхо момской локальной традиции «Кётёр Мюлгюн» («Летающий Мюлгюн») дается интересная портретная характеристика богатыря абаасы, сообщающая не только о его огромных размерах, но и о его полурасложившемся состоянии:

*Биэс былас биэкэйэ сытыйбыт бииллээх,
Алта былас дагдайа сытыйбыт сарыннаах,
юс былас ёкёйё сытыйбыт ёртюктээх,
биир былас буордаах булуо монньоох*
(В пять сажень с высоким сгнившим станом,
В шесть сажень с громадными гнилыми плечами,
Три сажени с гнилым бедром,
В одну сажень с грязной шеей) [Павлова, 2018, с. 116].

Прибытие абаасы всегда изображается на фоне разбушевавшейся стихии. И внешний вид абаасы, и бедствия, возникающие при его появлении, говорят о том, что образ богатырей абаасы в олонхо связан со стихией, а борьба героев олонхо с богатырями абаасы напоминает борьбу человека со стихией [Пухов, 1962, 137]. «Метафоризм мифической мысли <...> любит зашифровывать природу социальными отношениями» [Мелетинский, 2000, с. 26].

Таким образом, в представлениях саха борьба человека с богатырями нижнего мира и последующая победа над ними отождествляют собой жиз-

Рис. 2 Череп мамонта

неутверждающий манифест скотоводческого народа над суровыми климатическими условиями освоенной им территории.

Относительно олонхо общепризнанным является мнение А. П. Окладникова, который при обозначении некоторых признаков сходства с фольклором коренных народов Севера все же считал, что олонхо представляет другой культурно-этнический мир. По его мнению, эпос раскрывает мир полуседлых скотоводов, неразрывно связанных в прошлом с более развитыми скотоводческими культурами Центральной Азии [Окладников, 1974, с. 19—20].

Схожего мнения придерживался Г. У. Эргис. Он писал, что из всех произведений якутского фольклора в богатырском эпосе олонхо имеются наиболее яркие совпадения с эпическим произведениями алтайских тюрок, монголов и бурят (в сюжетных мотивах, образах, даже отдельных изобразительных средствах олонхо) [Эргис, 1974, с. 19—20].

Мы же предполагаем, что фольклор народа саха содержит мифологические представления, которые не являются простым продолжением более древних южно-сибирских сюжетов. Стоит отметить, что исследователи не обнаруживали непосредственной связи с другими тюркскими народами ни в образах богатырей нижнего мира, ни в самом термине *абааһы* (абаасы), хотя мотивы об асимметричных половинчатых существах следует назвать довольно распространенными.

Таким образом, появление в олонхо образа противника героя в виде одноглазого богатыря абаасы могло быть следствием перехода отдельных

элементов мифологических представлений якутов о духах-абаасы. В свою очередь, основой зарождения у якутов мифологических представлений служит реальный видимый мир. Следовательно, образ противника человека богатыря-абаасы сложился именно на территории Якутии.

6. Заключение

В мифологических представлениях саха вредоносные духи Севера и холода соотносились с останками древних животных, которые обнаруживались по берегам северных озёр и рек после их вскрытия, когда течением размывались берега и из вечной мерзлоты появлялись кости.

Мамонт мог быть прототипическим образом, который лег в основу формирования мифологических представлений как о водяном быке, так и о быке холода. В то же время находятся аргументы в пользу того, что впечатление, которое на людей производили останки мамонтов, могло найти отражение и в формировании представлений о злых духах в целом. Вот почему этнографы указывают, что в традиционной культуре саха мамонт — символ саганического, шаманского мира, мира мертвых [Возвращение мамонта ..., 2018]. Обнаружение останков мамонта считалось дурным предзнаменованием. Табуированность данного естественного ресурса, по всей видимости, предопределила то, что якуты не использовали его в своих хозяйственных или культурных практиках. Об этом свидетельствует отсутствие изделий из мамонтового бивня в археологических памятниках культуры, ассоциированных с саха в период до прихода русского населения. Начало довольно активного использования предметов из мамонтовой кости в археологических памятниках якутов (саха) приходится лишь на XVII век, когда территория края осваивается и русским населением.

Мы предполагаем, что в якутском фольклоре, в особенности в олонхо, представление о противниках народа саха в виде гигантских циклопов сложилось как отражение мифологических воззрений переселенцев о климате и природе освоенного ими пространства. В свою очередь, так как воплощением климата и суровой стихии стали ископаемые останки мамонтовой фауны, отдельные элементы образа абаасы были почерпнуты из опыта находок останков.

Таким образом, олонхо как эпос, несмотря на свое южное происхождение, неотделим от этнической истории якутов и пространства, которое было ими освоено. В мифических представлениях якутов о злых и вредоносных духах — абаасы — отразились представления переселенцев с Юга о стихии и климатических особенностях осваиваемой территории, при этом образы вредоносных духов отождествляются с останками вымерших животных плейстоценового периода — мамонтов.

Источники и принятые сокращения

1. *Большой толковый словарь якутского языка* = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : (Буква Х). — Новосибирск : Наука, 2016. — Т. 13. — 636 с. — ISBN 978-5-02-032332-2.
2. *Березкин Ю. Е.* Аналитический каталог «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» [Электронный ресурс] / Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index> (дата обращения 26.08.2020).
3. *Саввин А. А.* Рукописный отдел ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 73.
4. *Строптивый Кулун Куллустуур* = Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур : якутское олонхо / [сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов ; запись В. Н. Васильева ; подгот. текста Э. К. Пекарского, Г. У. Эргиса ; пер. А. А. Попова и И. В. Пухова ; вступ. ст. И. В. Пухова и Г. У. Эргиса ; ответственный редактор А. С. Мирбадалева]. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. — 608 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басангова Т. Г.* Демонологические персонажи в фольклоре калмыков / Т. Г. Басангова // Новые исследования Тувы. — 2011. — № 2—3. — С. 269—278.
2. *Возвращение мамонта.* Смогут ли в Якутии клонировать животных? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://tass.ru/v-strane/5749682> (дата обращения 22.08.2020).
3. *Габышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Л. Л. Габышева. — Москва, 2003. — 493 с.
4. *Гоголев А. И.* Происхождение народа саха и его традиционной культуры : монография / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. — 256 с. — ISBN 978-5-7513-2474-2.
5. *Данилова Н. К.* Концепт «север / хоту» в представлениях народа саха и долган / Н. К. Данилова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2015. — № 2. — С. 121—126.
6. *Костырко В. С.* Оппозиция конный скот / рогатый скот и якутский мифологический пантеон [Электронный ресурс] / В. С. Костырко. — Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm>. (дата обращения 28.08.2020).
7. *Львова Э. Л.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова // Человек. Общество. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1989. — 243 с.
8. *Макаров С.* Хозяин холода и дух озер : водяные быки в якутской мифологии / С. Макаров // Фольклористика. — 2017. — № 2/2. — С. 11—25. — DOI: 10.18485/folk.2017.2.2.1.
9. *Марра А. Ч.* Древние слоны Евразии : легенды Севера и Юга / А. Ч. Марра, Е. Н. Машенко // Природа. — Москва : Издательство Российской академии наук. — 2008. — № 11 (1119). — С. 20—27.
10. *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский. — Москва : РГГУ, 2000. — С. 24—31. ISBN 978-5-7281-2192.
11. *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири.

(Окончание всего сочинения) / А. Ф. Миддендорф. — Санкт-Петербург : Издательство Имп. акад. наук, 1878. — С. 619—833.

12. *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Т. 1 : Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников. — Москва-Ленинград : Академия наук СССР, 1955. — 430 с.

13. *Павлова О. К.* Образы богатырей абаасы как противников главных героев (на примере олонхо северо-восточной традиции якутов) / О. К. Павлова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им М. К. Аммосова. — 2018. — № 3 (65). — С. 112—118. — DOI: 10.25587/SVFU.2018.65.14075.

14. *Пухов И. В.* Якутский героический эпос : основные образы / И. В. Пухов. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 255 с.

15. *Романова Е. Н.* Степная Арктика : «помнящая культура» номадов Севера» / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева, В. М. Дьяконов // Геокультуры Арктики : методология анализа и прикладные исследования. — Москва : Канон+, 2017. — С. 295—327. — ISBN: 978-5-88373-511-9.

16. *Романова Е. Н.* Степная сага коневодов Арктики : от древних времен до недавних событий / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева, В. М. Дьяконов // Этнографическое обозрение. — 2016. — № 4. — С. 9—19.

17. *Романова Е. Н.* Антропология Холода : методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) / Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2019. — № 35. — С. 255—263. — DOI: 10.17223/22220836/35/23.

18. *Сериков Ю. Б.* Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии / Ю. Б. Сериков, А. Ю. Серикова // Российская археология. — 2004. — № 2. — С. 168—172.

19. *Содномпилова М. М.* Образы севера в представлениях бурят : контаминации мифологического и реального / М. М. Содномпилова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». — 2017. — Т. 20. — С. 120—135.

20. *Троцанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов : с 10 фиг. и 4 прил. / посмерт. изд., ред. Э. К. Пекарским, доп. примеч. Э. К. Пекарского и Н. Ф. Катанова и снабженное прил. Э. К. Пекарского, А. А. Наумова и В. В. Попова. — Казань : Типо-лит. ун-та, 1902. — 208 с.

21. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 800 с. — ISBN 5-02-017900-0.

22. *Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. — Москва : Наука, 1974. — 400 с.

IMAGINATION OF THE NORTH IN CONTEXT OF DEVELOPMENT OF NATURAL ENVIRONMENT: MAMMOTH IN MYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS OF YAKUTS

© **Olga V. Vasilyeva (2021)**, orcid.org/0000-0001-9992-4163, PhD in Politics, Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), osipovaovr@rambler.ru.

© **Aitalina A. Kuzmina (2021)**, orcid.org/0000-0001-7051-9009, PhD in Philology, Senior Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), aitasakha@mail.ru.

© **Aitalina R. Fedorova (2021)**, orcid.org/0000-0002-6487-3914, Junior Researcher, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia), aytap@mail.ru.

A number of negative characters in Yakut mythology, as well as individual images of folklore, are considered. The point of view, according to which the basis for the emergence of certain mythological ideas among the Yakuts was the real world, the features of the landscape and climate, to the extent that they influenced a person, is proved. It is noted that the culture of the Sakha people is based on rich mythological concepts that have developed during the development of the vast expanses of the Arctic space. The authors analyze ethnographic notes of the XIX–XX centuries and modern scientific publications, which examine the mythology and folklore of the Sakha people (Yakuts). An attempt has been made to clarify the question of the influence of knowledge about the fossil remains of the mammoth fauna on the formation of mythological ideas related to the peculiarities of the climate of the region being developed. The image of a mammoth is analyzed in the broad context of the mythological views of the Yakuts. It is concluded that secondary esoteric ideas about mammoths, caused by the discovery of their remains, could form the basis of a prototypical image for a number of characters in Yakut mythology, for example, a water bull and a cold bull. It is proved that the idea of mammoths could be reflected in the external appearance of the abaasy heroes in the epic folklore of the Sakha.

Key words: mammoth; abaasy; the epic of Olonkho; Yakut mythology; demonology; mythological character.

MATERIAL RESOURCES

Berezkin, Ju. E., Duvakin, E. N. *Analiticheskiy katalog «Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye folklorno-mifologicheskikh motivov po arealam»* [Analytical catalog “Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by areas”]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index> (accessed 26.08.2020). (In Russ.).

Bolshoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Saha tylyn byhaaryylaah ulahan tyldyta: (Bukva H) [Big explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byarylau Ulakhan tilgate: (the Letter X)], 13. (2016). Novosibirsk: Nauka. 636 p. ISBN: 978-5-02-032332-2. (In Yakut.).

Savvin, A. A. *Rukopisnyy otdel IGLiPMNS SO RAN. F. 4. Op. 12. D. 73* [Department of manuscripts and Equipment SB RAS. F. 4. Op. 12. D. 73]. (In Russ.).

Stroptivyy Kulun Kullustuur = Kuruubaj Haannaah Kulun Kullustuur: jakutskoye olonkho [Obstinate Kulun Kullustuur = Kuruubai Haannaah Kulun Kullustuur: Yakut Olonkho]. (1985). Moskva: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 608 p. (In Yakut.).

REFERENCES

Basangova, T. G. (2011). Demonologicheskiye personazhi v folklоре kalmykov [Demonological characters in Kalmyk folklore]. *Novyye issledovaniya Tyvy* [New studies of Tuva], 2—3: 269—278. (In Russ.).

- Danilova, N. K. (2015). Koncept «sever / hotu» v predstavleniyakh naroda sakha i dolgan [Concept “North / hotu” in the representations of the Sakha and Dolgan people]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnyye nauki* [Arctic XXI century. Humanities], 2: 121—126. (In Russ.).
- Frejdenberg, O. M. (1998). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moskva: Izd. firma «Vostochnaya literatura» RAN. 800 p. (In Russ.).
- Gabyшева, L. L. (2003). *Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira (na materiale yazyka i kultury yakutov)*. Doct. Diss. [Word in the context of the mythopoetic picture of the world (on the material of the Yakut language and culture). Doct. Diss.]. Moskva. 493 p. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2018). *Proiskhozhdeniye naroda saha i yego tradicionnoy kultury: monografiya* [The Origin of the Sakha people and their traditional culture: monograph]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. 256 p. ISBN 978-5-7513-2474-2. (In Russ.).
- Jergis, G. U. (1974). *Ocherki po yakutskomu folkloru* [Essays on Yakut folklore]. Moskva: Nauka. 400 p. (In Russ.).
- Kostyrko, V. S. *Oppozitsiya konny skot /rogaty skot i yakutskiy mifologicheskii panteon* [Opposition horse cattle / horned cattle and the Yakut mythological Pantheon]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (accessed 28.08.2020). (In Russ.).
- Lvova, Ye. L., Sagalayev, A. M., Usmanova, M. S. (1989). Traditsionnoye mirovozzreniye turkov Yuzhnoy Sibiri [Traditional worldview of the Turks of southern Siberia]. In: *Chelovek. Obshchestvo* [Person. Society]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otdeleniye. 243 p. (In Russ.).
- Makarov, S. (2017). Khozyain holoda i dukh ozer: vodyanyye byki v yakutskoy mifologii [The Master of cold and the spirit of lakes: water bulls in Yakut mythology]. *Folkloristika* [Folklore Studies], 2/2: 11—25. DOI: 10.18485/folk.2017.2.2.1. (In Russ.).
- Marra, A. Ch., Mashhenko, E. N. (2008). Drevniye slony Evrazii: legendy Severa i Yuga [Ancient elephants of Eurasia: legends of the North and South]. *Priroda* [Nature], 11 (1119). Moskva: Izdatelstvo Rossiyskaya akademiya nauk. 20—27. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (2000). *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moskva: RGGU. 24—31. ISBN 978-5-7281-2192. (In Russ.).
- Middendorf, A. F. (1878). *Puteshestviye na sever i vostok Sibiri. Ch. 2. Sever i vostok Sibiri v yestestvenno-istoricheskom otnoshenii. Otd. 6. Korennyye zhiteli Sibiri. (Okonchaniye vsego sochineniya)* [Journey to the North and East of Siberia. Part 2. The North and East of Siberia in natural history. 6. Indigenous inhabitants of Siberia. (The end of the entire work)]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Imp. akad. nauk. 619—833. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1955). *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR], 1: *Yakutiya do prisoyedineniya k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state]. Moskva-Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 430 p. (In Russ.).
- Pavlova, O. K. (2018). Obrazy bogatyrey abaasy kak protivnikov glavnykh geroyev (na primere olonkho severo-vostochnoy traditsii yakutov) [Images of the heroes of abaasy as opponents of the main characters (on the example of the Olonkho North-Eastern tradition of the Yakuts)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal-*

- nogo universiteta im. M. K. Ammosova [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 3 (65): 112—118. DOI: 10.25587/SVFU.2018.65.14075. (In Russ.).
- Puhov, I. V. (1962). *Yakutskiy geroicheskiy epos: osnovnyye obrazy* [Yakut heroic epic: basic images]. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 255 p. (In Russ.).
- Romanova, E. N., Dobzhanskaya, O. Je. (2019). Antropologiya Kholoda: metodologiya, koncepty, obrazy (na primere kulturnykh traditsiy korennykh narodov Severa i Arktiki) [Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Tomsk state University. Cultural studies and art history], 35: 255—263. DOI: 10.17223/22220836/35/23. (In Russ.).
- Romanova, E. N., Dyakonov, V. M. (2017). Stepnaya Arktika: «pomnyashchaya kultura» nomadov Severa» [Steppe Arctic: “remembering the culture of the nomads of the North”]. *Geokultury Arktiki: metodologiya analiza i prikladnyye issledovaniya* [Geocultures of the Arctic: methodology of analysis and applied research]. Moskva: Kanon+. 295—327. ISBN: 978-5-88373-511-9. (In Russ.).
- Romanova, E. N., Ignatyeva, V. B., Dyakonov, V. M. (2016). Stepnaya saga konevodov Arktiki: ot drevnikh vremen do nedavnikh sobyitiy [Steppe Saga of Arctic horse breeders: from ancient times to recent events]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 4: 9—19. (In Russ.).
- Serikov, Yu. B., Serikova, A. Yu. (2004). Mamont v mifakh, etnografii i arkheologii Severnoy Evrazii [Mammoth in myth, Ethnography and archaeology of Northern Eurasia]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian archaeology], 2: 168—172. (In Russ.).
- Sodnompilova, M. M. (2017). Obrazy severa v predstavleniyakh buryat: kontaminatsii mifologicheskogo i realnogo [Images of the North in the representations of the Buryats: contamination of the mythological and real]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Izvestiya Irkutsk state University. A Series of “Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology”], 20: 120—135. (In Russ.).
- Troshchanskiy, V. F. (1902). *Evolutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov: s 10 fig. i 4 pril.* [Evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts: from 10 figs. and 4 ADJ]. Kazan’: Tipo-lit. Un-ta. 208 p. (In Russ.).
- Vozvrashcheniye mamonta. Smogut li v Yakutii klonirovat' zhivotnykh?* [Return of the mammoth. Will they be able to clone animals in Yakutia?]. Available at: <https://tass.ru/v-strane/5749682> (accessed 22.08.2020). (In Russ.).